

19.03.99

18

То сходя на нет, то где-то возгораясь вновь, давно тянется спор о том, был ли наш славный Нобелевский лауреат автором "Тихого Дона". Сомневающиеся настаивают, что не мог, дескать, создать одно из вершинных достижений мировой литературы молодой и малообразованный, в сущности, казак-станичник. Скрупулезно исследуются тексты, рукописи, обстоятельства создания шолоховских произведений. Достаточно обоснованных выводов нет, сомнения остаются — как и определенный простор для разного рода версий и просто фантазий. Введя в оборот массу неизвестной ранее информации, "новые шолоховеды", похоже, запутались в собственных аргументах "за" и "против", а от иных розысканий явно папахивает дешевеньким детективом. Так, некий Бар Селла Зеев в статье "Тихий Дон" против Шолохова" ("Даугава", N 12 за 1998 год) безапелляционно пишет: "Сообщаем, что истинный автор романа "Тихий Дон" нами установлен. Вот некоторые сведения о нем: донской казак по происхождению, учился в московском императорском университете, автор двух (кроме "Тихого Дона") книг, расстрелян красными в январе 1920 года в городе Ростове-на-Дону"... Однако истинное имя творца романа не названо... Или взять вопрос о черновиках "Тихого Дона". Их нет. Но вот уже

разбомбленный якобы архив, как Феникс из пепла, "возникает" в писаниях иных исследователей. Архив будто бы разбомблен, да не полностью. Или вообще не разбомблен, а утерян растяпами-энкаведэшниками...

Отказывая Шолохову в авторстве великого романа, его оппоненты и просто злопыхатели столкнулись с непростым вопросом: а как быть с "Донскими рассказами", "Поднятой целиной", "Судьбой человека"? Та же "Поднятая целина", что бы там ни говорили, — лучшее произведение о российской деревне 30-х годов. Мастером написаны и "Они сражались за Родину", "Судьба человека". Выходит, Шолохов — все-таки художник большого масштаба? Все смешивается, все запутывается...

И вот на этом фоне рождается версия откровенно фантастическая, лежащая, можно сказать, в стороне от здравого смысла. Автор этой нелепой гипотезы — преподаватель филологии Львовского университета Валерий Сердюченко. Его соавтор по этим заметкам помог изложить версию для читательской газеты. Итак, исходная идея состоит в том, что Шолохов-писателя не было, а была некая поразительная авантюра (назовем ее "гений и бес"), которая выходит за рамки самого причудливого воображения.

тив подполья. В тайнике, некоем межстенном пространстве, умирает голодной смертью и одновременно от любви к своему заточению мать Островного. В таких же секретных "Тартарах" пребывают на протяжении всего романа еще два действующих лица. Их нет, но они есть, они за семью замками, они знают все...

Возникла ситуация, когда все трое — Сталин, Шолохов и "подпольный гений" — оказываются в равной степени зависимыми друг от друга. Ситуацией, как всегда, владеет Сталин. Он назначил Шолохова автором "Тихого Дона" и "Поднятой целины", он сделал его депутатом, миллионером, академиком, неприкосновенным советским Шекспиром. Об остальном должен заботиться сам Шолохов. К сожалению, его иногда заносит. Однажды, преступив пределы, указанные ему Сталиным, он якобы посылает в Кремль телеграмму о колхозных перегибах на Дону. Сталин якобы приказывает прекратить безобразия. Из Москвы в Вешенскую мчатся спецкурьеры. Шолохова пытаются арестовать... Этот эпизод в различных модификациях присутствует почти у всех шолоховских биографов. Дыма без огня не бывает. Скорее всего, он действительно попытался заварить какую-

...Начиналась история элементарно для того времени. Представьте себе деревенского парня, почти мальчишку, с генетическим ощущением своей исключительности. Он зауряден внешне, застенчив, неуклюж и вместе с тем не по возрасту проницателен, восприимчив и дьявольски честолюбив. А кругом — "неслыханные перемены, невиданные мятежи", немислимые столкновения характеров и взглядов — нужно лишь правильно выбрать. Он прекрасно усвоил большевистскую азбуку; таким, как он, терять нечего, приобрести же можно целый мир.

Покинув родительский дом, деревенский пареня блуждает по городкам и весям, грабит награбленное в составе красноармейских продотрядов, пока наконец судьба не сводит его с неким Громославским. Этот Громославский — темная личность. Он успел посидеть в тюрьме уже при советской власти, и отнюдь не за политическое, а уголовное преступление. Но он грамотен и даже богат — имел свою мельницу. Уже тогда его почему-то привлекала литературная профессия. Трудно сказать, как они сошлись, старый и молодой, но то, что это были весьма родственные души, сомнений нет. Оба отчаянные прожестеры, оба хорошо понимают, что революция — это их шанс, когда в мгновение ока можно стать полководцем, наркомом, отцом небесным...

Затем на сцене, а точнее — на пороге громославского дома, появляется некто Третий. Назовем его "Икс". У него омерзительная психологическая кризис, его терзают метафизические ужасы, но прежде всего — агорафобия — страх открытого пространства, где царят разрушение и смерть. Он умоляет оторопевшего хозяина спрятать, скрыть его в подполье, в подвале. У него есть деньги, ценности, он готов заплатить.

Подвал у Громославского имеется. Не подвал — гробница с каменными сводами. Там и поселяется добровольный узник. Он ничего не просит — только перо и бумагу. Почему бы и нет? Он платит. К тому же "ненормальный" — вроде как писатель. Черкает страничку за страничкой, а выходят из-под пера живые картинки того, что происходит на Дону. Просто поразительно. И тут вполне можно предположить, что Громославского и его молодого друга осеняет идея: а почему бы не "сотворить" писателя — из себя? Тем более что большевики охотно "набирали в писатели" рабочих и крестьян.

В конечном итоге Громославский сделал ставку на Шолохова. Молодой, напористый, уверенный в себе, Шолохов появляется в Москве. На первых порах все складывается так, как и предполагалось. Столичные литкомиссары только что не носят его на руках. Как же — из беднейшей крестьянской семьи, гонимый белоказачьих банд, Гаврош донской революции. Немедленно в редакцию, в литстудию...

Увы, через некоторое время Шолохов обнаруживает, что он не может складно связать на бумаге двух слов и научиться этому, оказывается, не так-то просто. Промаявшись в Москве около года, "изобразив" за это время три жалких фельетона, которые за ради его рабоче-крестьянского происхождения тиснули в одной из газет, наш "завоеватель" возвращается в свою Вешенскую.

Громославский в недоумении. Не может быть такого, чтобы цепкий Мишка не пробился в большевистские литературные генералы. Срочно оформляется брак 17-летнего юнца со слегка перзрелой 25-летней невестой. Громославский фанатично верит в яркую звезду своего зятя. На этот раз Шолохов появляется в столице с супругой. Снова бесплодные блуждания по редакциям,

ЗАГАДОЧНАЯ

Труд-1999-19 марта-с. 18

ФАНТАСМАГОРИЯ ПО МОТИВАМ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА ШОЛОХОВА

«ЗОНА Ш.»

жить негде, и наш герой снова возвращается в родные пенаты.

И надо же такому случиться, что в это самое время "подпольный" гений раздражается "кусками" великолепной прозы. Настолько великолепной, что это понимает даже Шолохов. А ведь как просто: рыбалка, Петьки с Таньками, мат-перемат, дед плетется с база, а читаешь — зареветь хочется... "А про наших, про красных, можешь?" — следует вопрос. Отшельник может все. Он создает гроздь поразительных по силе рассказов. Шолохов перепечатывает их, и вот уже престарелый Серафимович поздравляет советскую литературу с рождением нового рабоче-крестьянского таланта.

Что дальше? Однажды узник заявляет, что он принял за "Войну и мир" XX века. Слава, деньги — для него пустой звук. Он тайнописец, слепой Гомер XX века, повелитель слова — этого с него достаточно. И Шолохов... решается. Первая, а затем вторая книги "Тихого Дона" уходят в московские редакции. В ответ — буря восторженных откликов.

И вдруг, словно гром среди ясного дня, — скандал. Неистовствуют ростовские дружки, не пробившиеся во столицы. В статье "Эпопея под вопросом" Шолохова называют "литературным вором". Затем еще удар — дескать, такую вещь, как "Тихий Дон", мог написать только белогвардеец... Редакторы задерживают публикацию третьей книги. Шолоховым заинтересовался Сталин.

От кого мог получить информацию вождь? Пожалуй, от Горького. Шолохова направляют к нему в Сорренто. Конечно, Шолохов понял, что никакая это не творческая командировка к патриарху пролетарской литературы... Он уже потерял в коридорах власти и знает ее нравы и методы. Горький наверняка его раскусит. Как избежать позора? Как выехать из Союза, а до Горького не доехать?

Просидев две недели в Берлине, Шолохов внезапно исчезает оттуда, чтобы объявиться в вешенской цитадели: авось позабудут.

Но Сталин ничего не забывает... Вполне допускаем, что эту версию не все воспримут всерьез. Но она, заметим, ни на йоту не отступает от того документированного минимума, которым располагает шолоховедение. Исходя из этого, попытаемся смоделировать первую встречу и первый разговор Шолохова со Сталиным. Итак, вот они друг против друга. Сталин в большом затруднении. Недавно он начал строительство культурного фасада большевистской империи. Ей нужна великая культура. Способен ли РАПП создать такую? Нет. Он способен лишь скомпрометировать первое в мире рабоче-крестьянское государство в глазах просвещенного человечества.

Нужны "Толстые". Одного Толстого он, Сталин, уже вернул России. Был граф — стал наш советский писатель,

товарищ Алексей Толстой. Есть и другие, очень известные. Но они не рождены революцией.

— Товарищ Шолохов, почему вы не выполнили указания Политбюро? — Да вот, товарищ Сталин, правительство Муссолини две недели тянуло с визой. А у нас началась коллективизация и не сиделось в Берлине, хотелось немедленно включиться в то, что делается сейчас дома, на Дону...

Полагаем, двух-трех таких ответов Сталину было достаточно, чтобы понять, с кем он имеет дело. Но джинн выпущен из бутылки. Слава о Шолохове несется по миру. Что ж, он, Сталин, заставит Шолохова доиграть эту роль до конца. Вокруг него будет создана зона такой непроницаемой плотности, что сам Шолохов, даже если бы и захотел преодолеть ее, никогда не смог бы этого сделать.

— Товарищ Шолохов, думаю, вам не следует заниматься практической организацией колхозов. Вы писа-

ть кашу в областном масштабе, за что получил взбучку от Сталина, и с тех пор больше никогда не посягал на административно-политическое кормило.

Во время войны Шолохов в звании полковника оказывается на фронте. Информация об этих его годах практически равна нулю. За все время — четыре довольно беспомощные корреспонденции в "Правде" и "Красной звезде". И это на фоне ярких публикаций А.Толстого, Л.Леонова, К.Симонова, И.Эренбурга... После войны Шолохов объясняет это "безмолвие" тем, что, дескать, он не газетчик...

А где в годы войны находился "подпольный" писатель? Не станем гадать на кофейной гуще, а вспомним, что представляло собой Обдолье почти два года кряду. Войска наступали, отступали, разрушая все вокруг, и по этой полуничей территории бродили тысячи потерявших себя местных жителей. Одним из них был наш добровольный "околошолоховский" узник. Война выгнала его из подвала. Происходящее вокруг снова было крошечным, как и двадцать лет тому назад. Когда Шолохов вернулся в станицу, он узнал в оборванце, жавшемся к стенам его разрушенного дома, своего подвального жителя. И все вернулось на круги своя. Написав "Судьбу человека" и не дописав "Они сражались за родину", безвестный гений, видимо, исчерпал свой талант. В конце 40-х или в начале 50-х годов он скончался.

...Ну а Шолохов неразмеченной золотой монетой перешел из сталинской эпохи в хрущевскую. Но если Сталин запрещал Шолохову выходы на трибуну, на публику, то Хрущев, наоборот, поощрял их. Не обладая ни художественным чутьем Сталина, ни его изощренным мышлением, Хрущев провоцировал Шолохова на поступки, недостойные мифа о нем. К сожалению, Шолохов этим искушениям поддавался, постепенно превращаясь из вешенского небожителя в заурядного идеологического кадровика. Между тем неугомонное шолоховское "я" требовало своего писательского продолжения. Этого же требовала хрущевская литературно-партийная челядь. Но бесплодное, по сути, дерево не могло дать плодов...

Думается, именно так (или как-то в этом фантастическом роде) можно объяснить загадку Шолохова. На наш взгляд, "зона Шолохова" — это особая зона, некий мифистический андерграунд советской культуры. Нравственные оценки тут вообще невозможны. Миф потому и зовется мифом, что в его пространстве существуют иные законы, которые чаще всего не подвластны здравому смыслу и суду человека...

Валерий СЕРДЮЧЕНКО, Герман КЛЮЧЕРОВ, ЛЬВОВ.

Михаил Шолохов